

«Группа двадцати» и БРИКС: повышение легитимности решений¹

Э. Кокотсис

Кокотсис Элла – директор по подотчетности исследовательской группы «Группы восьми» и «Группы двадцати», Университет Торонто; 1 Devonshire Place, Room 209N Toronto, Ontario M5S 3K7 Canada; E-mail: mako@cogeco.ca

Международное сообщество сталкивается с множеством сложных и взаимосвязанных вызовов в широком спектре сфер жизнедеятельности: от экологии, международной безопасности и экономики до вопросов здравоохранения и содействия развитию. Решение этих проблем требует совместных усилий наиболее влиятельных политических лидеров из ведущих государств мира.

Таким образом, для осуществления вышеозначенных функций необходимо выработать процесс глобального управления, в рамках которого лидеры государств могли бы проводить регулярные встречи и достигать консенсуса по важнейшим вопросам мировой повестки дня.

В статье утверждается, что для осознания ценности и важности подобных многосторонних институтов высокого уровня необходимо понимать причины и возможности осуществления функций глобального управления «Группой двадцати» и БРИКС.

Также, по мнению автора, вышеозначенные институты должны формировать консенсус и принимать конкретные обязательства, исполнение которых могло бы быть эффективно оценено. В отсутствие критериев оценки реализации принятых обязательств остро встает вопрос о легитимности этих объединений.

В рамках данной дискуссии ключевое значение имеет вопрос о способности и желании «Группы двадцати» и БРИКС сотрудничать или конкурировать между собой и с другими международными организациями и многосторонними неформальными институтами. В этой связи интерес вызывает и возможное влияние данных процессов на эффективность механизмов подотчетности. В настоящей работе утверждается, что для успешного осуществления лидерских функций в системе глобального управления «двадцатка» и БРИКС должны работать в тесной связке друг с другом и с другими ключевыми региональными, многосторонними, межправительственными и неправительственными организациями, институтами гражданского общества, деловыми ассоциациями и представителями академического сообщества. Только путем расширенного сотрудничества рассматриваемые неформальные многосторонние институты могут заручиться достаточной поддержкой международного сообщества на достаточном для эффективной реализации целей глобального развития уровне.

Ключевые слова: «Группа двадцати»; БРИКС; саммиты; глобальное управление; институты; легитимность; лидерство; обязательства; подотчетность

Для цитирования: Кокотсис Э. (2017) «Группа двадцати» и БРИКС: повышение легитимности решений // Вестник международных организаций. 2017. Т. 12. № 2. С. 194–210. DOI: 10.17323/1996-7845-2017-02-195

¹ Статья поступила в редакцию в октябре 2016 г.

Перевод выполнен Е.А. Сафонкиной, научным сотрудником Центра исследований международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Введение

Международное сообщество сталкивается с множеством сложных и взаимосвязанных вызовов в широком спектре сфер жизнедеятельности: от экологии, международной безопасности и экономики до вопросов здравоохранения и содействия развитию. Решение этих проблем требует совместных усилий наиболее влиятельных политических лидеров из ведущих государств мира.

Процесс, обеспечивающий достижение данной цели, подразумевает регулярные встречи лидеров, на которых они достигают консенсуса, принимают обязательства и в конечном счете добиваются их исполнения. Начало формированию институтов глобального управления было положено с созданием «Группы семи» в 1975 г. В 2008 г. состоялся первый саммит «Группы двадцати», а в 2009 г. — БРИК (БРИКС с 2011 г.). Эти многосторонние институты составляют ядро структуры глобального управления в современном мире и способны бороться с комплексными вызовами, с которыми сталкивается человечество, добиваясь конкретных результатов. В ходе своей работы эти институты сотрудничают с множеством международных организаций, многосторонних и региональных объединений, неправительственных организаций и бизнес-сообществ, привлекая каждое из них к решению задач сообразно их специализации.

Учитывая большое количество академической литературы и аналитических оценок эффективности «Группы семи/восьми», данная работа посвящена рассмотрению деятельности «двадцатки», сформировавшейся в качестве форума лидеров в 2008 г., и БРИКС, первый саммит которой состоялся в 2009 г. В статье утверждается, что для осознания ценности и важности подобных многосторонних институтов высокого уровня необходимо понимать причины и возможности осуществления функций глобального управления «Группой двадцати» и БРИКС. Также, по мнению автора, вышеозначенные институты должны формировать консенсус и принимать конкретные обязательства, исполнение которых могло бы быть эффективно оценено. В отсутствие критериев оценки реализации принятых обязательств остро встает вопрос о легитимности данных объединений.

Наблюдатели и критики деятельности многосторонних неформальных институтов заявляют об их недостаточной эффективности, связанной с систематической неспособностью согласовывать конкретные, актуальные и амбициозные обязательства, подлежащие мониторингу и исполнению. Вопросы подотчетности и легитимности являются наиболее значимыми в рамках подобных дискуссий, поскольку важным атрибутом эффективности института является не только его способность принимать и исполнять обязательства, но и отчетываться об их исполнении на каждом саммите. Все это имеет ключевое значение для понимания возможностей института по оценке и корректировке собственных механизмов подотчетности, что, в свою очередь, может привести к осознанию путей повышения эффективности деятельности неформальных институтов и их легитимности как лидеров в системе глобального управления.

В статье проводится оценка доступного на сегодняшний день аналитического материала по обязательствам «Группы двадцати» и БРИКС, делаются выводы относительно способности институтов исполнять данные обещания, а также разъясняются существующие тенденции и характеристики подотчетности. В первую очередь проводится анализ количества, конфигурации и тематики обязательств «двадцатки» и БРИКС, принятых с момента создания двух институтов. Затем проводится обзор различных моделей, рассматривающих причинные связи в рамках механизмов подотчетности, с особым акцентом на наиболее успешных примерах подобных механизмов.

В рамках данной дискуссии ключевое значение имеет вопрос о способности и желании «Группы двадцати» и БРИКС сотрудничать или конкурировать между собой и с другими международными организациями и многосторонними неформальными институтами. В этой связи интерес вызывает и возможное влияние этих процессов на эффективность механизмов подотчетности. В настоящей работе утверждается, что для успешного осуществления лидерских функций в системе глобального управления «двадцатка» и БРИКС должны работать в тесной связке друг с другом и с другими ключевыми региональными, многосторонними, межправительственными и неправительственными организациями, институтами гражданского общества, деловыми ассоциациями и представителями академического сообщества. Только путем расширенного сотрудничества рассматриваемые неформальные многосторонние институты могут заручиться достаточной поддержкой международного сообщества на достаточном для эффективной реализации целей глобального развития уровне.

В работе используется методология и ежегодные аналитические материалы, разработанные и применяемые Исследовательскими группами «Группы двадцати» и БРИКС, включающими представителей Университета Торонто и Центра исследований международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы (ЦИМИ РАНХиГС). В заключительном разделе статьи дается ряд рекомендаций, направленных на улучшение механизмов и подходов, играющих ключевую роль в реализации функций рассматриваемых многосторонних институтов.

Методология анализа

Методология, использованная в данной статье, основана на работах Роберта Патнэма и Николаса Бэйна [Putnam, Bayne, 1984; 1987], а также Джорджа фон Фюрстенберга и Джозефа Дэниелса [Daniels, 1993]. Статья развивает направление исследований, ведущихся под руководством Джона Киртона с 1989 г., а с 1994 г. Джона Киртона и Эллы Кокотсис, направленных на оценку процессов принятия решений посредством анализа обязательств и оценку исполнения обязательств посредством анализа механизмов подотчетности саммитов и министерских встреч «Группы семи/восьми». В 1996 г. работа Исследовательской группы была расширена под руководством Джона Киртона — началась подготовка ежегодных докладов об исполнении обязательств «Группы семи/восьми», а затем и «Группы двадцати». С 2009 г. выпускаются ежегодные доклады об исполнении решений саммитов БРИКС. На сегодняшний день состав Исследовательских групп входят представители Университета Торонто и ЦИМИ РАНХиГС.

Обязательства саммитов определяются как дискретные, конкретные, публично выраженные и коллективно согласованные заявления о намерениях, «обещания» или «начинания» участников саммита относительно планируемых действий в будущем или достижения определенных целей благосостояния [Kokotsis, 1999]. Данное определение включает четыре ключевых критерия: 1) обязательства должны быть дискретными — каждая цель соответствует отдельному обязательству, даже в случае если множество целей достигается одним набором действий; 2) обязательства должны быть в достаточной степени конкретными, а цели достижимыми и измеримыми; 3) обязательства должны быть ориентированы на исполнение в будущем, а не выражать одобрение существующих инициатив; 4) подразумевается, что действия участников саммита будут иметь место в будущем. Тем не менее в тексте обязательства не требуется соответствующего пояснения, помимо используемого в конкретном предложении времени.

Сами обязательства могут быть категоризированы по ряду критериев: 1) по *затрагиваемым сферам* с использованием определений из текстов итоговых документов; 2) по *мобилизуемым финансовым средствам* для исполнения решений саммитов, включая деньги, выделяемые для исполнения обязательств по увеличению финансовой поддержки в отдельных сферах, пополнения международных фондов или оказания финансовой помощи; 3) по степени *международной легализации*. В данном случае решения саммита непосредственным образом обязуют членов следовать нормам международного права, пересматривать их, либо создавать новые; 4) по степени *внутриполитической легализации*, характеризуемой наличием обязательств, касающихся следования, пересмотра или создания национального законодательства [Kirton, Kokotsis et al., 2016].

Отбор приоритетных обязательств для мониторинга производится Исследовательскими группами на регулярной основе с 1996 г. Используемая методология позволяет выявлять наиболее важные и репрезентативные относительно повестки дня саммитов решения. Выборка приоритетных обязательств носит всеобъемлющий характер, охватывая весь спектр элементов повестки дня (финансы, торговля, макроэкономика, безопасность, охрана окружающей среды, энергетика, терроризм, региональная безопасность, реформа международных финансовых институтов). Число приоритетных обязательств, отбираемых для мониторинга, определяется с учетом общего количества обязательств, принятых на саммите, с учетом решений и мер, направленных на разрешение текущих кризисных ситуаций, а также обязательств, касающихся членов «двадцатки», БРИКС и других стран. Отбор приоритетных решений для мониторинга также производится с учетом обязательств, рассмотренных в предыдущие годы, что позволяет проводить ежегодный сравнительный анализ исполнения [Kirton, Kokotsis et al., 2016].

Наблюдается ли эффект от принимаемых обязательств после окончания саммитов? Существует ли способ измерить его? Каковы пределы частоты и степени исполнения обязательств участниками саммитов? Влияют ли различия во внешней и внутренней политике стран-членов и их независимость в принятии решений на национальном уровне на возможности исполнения обязательств? Эмпирические оценки тенденций в процессах подотчетности, проводимые с 1996 г. Исследовательскими группами «Группы восьми», «Группы двадцати» и БРИКС, дают ответы на три ключевых вопроса: 1) до какой степени и в каких условиях участники саммитов выполняют данные ими обязательства? 2) варьируются ли параметры подотчетности в различные годы, у различных участников, в различных сферах? 3) каковы переменные, влияющие на отдельные характеристики и тенденции в рамках процессов подотчетности? Понимание того, насколько полно, когда и какой именно страной были реализованы функции подотчетности, позволяет наблюдателям и практикам делать важные выводы относительно общей эффективности многосторонних институтов глобального управления и способов улучшения механизмов подотчетности.

Подотчетность в данном контексте определяется действиями, предпринимаемыми членами в периоды между саммитами, и направленными на реализацию решений саммита посредством осуществления законодательных и административных действий на национальном уровне. В этой связи правительства могут вносить изменения в собственные планы и влиять на общественные настроения для достижения целей повышения благосостояния, поставленных на саммите. Реализация функций подотчетности, таким образом, требует от стран принятия новых мер или корректировки проводимой политики с целью достижения конкретного результата, согласованного в рамках БРИКС или «Группы двадцати». Обязательство может считаться полностью исполнен-

ным, если член института успешно достигает предусмотренной в его рамках конкретной цели. Однако степень полноты исполнения может варьироваться. Таким образом, исполнение обязательств оценивается по следующей шкале: 1) «+1» за полное или близкое к полному исполнению обязательства; 2) «-1» за невыполнение обязательства; 3) «0» за частичное исполнение или ведущуюся работу по выполнению обязательства, а также за невозможность его выполнить. Стоит отметить, что «невозможность выполнить обязательство» определяется факторами, выходящими за пределы компетенции органов исполнительной власти, которые препятствуют достижению поставленных целей. Категория «ведущаяся работа» характеризует правительственные инициативы, реализация которых не была завершена к моменту проведения следующего саммита, что препятствует оценке их результатов [Kokotsis, 1999]. Некоторые обязательства могут повторяться из года в год. В случае повторного принятия обязательства лидерами «Группы двадцати» и БРИКС в целях проведения мониторинга они считаются отдельными решениями и оцениваются независимо.

Выполнение обязательств саммитов «Группы двадцати» и БРИКС оценивается во временных промежутках от завершения одного саммита до начала следующего. Саммиты БРИКС проходили один раз в год с момента зарождения института в 2009 г., тогда как отрезки времени между саммитами «двадцатки» варьировались от 5 до 15 месяцев. Частота встреч «Группы двадцати» была во многом обусловлена периодическим нарастанием необходимости более тесного взаимодействия в целях разрешения кризисных ситуаций в мировой экономике, что вынуждало лидеров встречаться чаще, чем один раз в календарный год. Исследовательскими группами «двадцатки» и БРИКС были выработаны четкие руководства и определения, которые позволили систематизировать методологию оценки и ежегодный процесс мониторинга исполнения обязательств [Kirton, Kokotsis et al., 2016].

Анализ в рамках настоящей работы основан на данных из докладов по оценке исполнения обязательств Исследовательских групп БРИКС и «Группы двадцати», а также ИМОМС НИУ ВШЭ и ЦИМИ РАНХиГС для саммитов в 2008–2016 гг. Данные по исполнению обязательств саммитов БРИКС доступны за 2011–2016 гг.

Исполнение обязательств саммитов «Группы двадцати»

Вопросы исполнения обязательств, принимаемых институтами глобального управления, привлекли внимание мировой общественности в 2010 г., когда был опубликован первый доклад по подотчетности «Группы восьми». Механизмы подотчетности «двадцатки» берут свое начало с самого первого саммита, прошедшего в Вашингтоне в 2008 г. Лидеры посвятили целый раздел итоговой декларации «повышению прозрачности и подотчетности», подчеркивая необходимость определения конкретных целей и показателей по ряду обязательств, принятых на первом саммите. Министрам финансов было поручено обеспечить «полное и неукоснительное исполнение» обязательств по финансовым реформам и реформам регулирования [G20, 2008]. Действительно, некоторые финансовые обязательства были выполнены быстро и с высокой степенью прозрачности. Например, во исполнение решения саммита в Лонодне 2009 г. «Группа двадцати» смогла в короткие сроки преобразовать Форум по финансовой стабильности в Совет по финансовой стабильности. В 2010 г. премьер-министр Канады Стивен Харпер заявил, что подотчетность станет определяющей чертой председательства его страны в «Группе восьми» и «Группе двадцати» (прошедших в Мускоке и Торонто соответственно) [G20, 2010]. Однако, несмотря на это, скептики говорят о том, что «двадцатка» не выполнила

принятых обязательств по борьбе с протекционизмом в мировой торговле, «зеленому» восстановлению экономики, продовольственной безопасности, а также по обеспечению равенства на рынках труда. Более того, по мнению скептиков, «Группа двадцати» не смогла создать всестороннего механизма подотчетности, подобного аналогичному механизму «восьмерки» [Lawson-Remer, 2012; InterAction 2012]. В 2009 и 2010 гг. британским и корейским председательствами были предприняты определенные усилия по налаживанию механизмов подотчетности, однако они, в лучшем случае, могут быть оценены как недостаточные, поскольку не включали важнейших компонентов — не было проведено детального анализа фактического материала, странового анализа, а также исследования количественных показателей.

Большая часть критики механизмов подотчетности «Группы двадцати» основывается на трех факторах: отсутствие формальной власти в рамках группы, в том числе инструментов принуждения и санкций за невыполнение обязательств; отсутствие юридической структуры, что подразумевает отсутствие формальных правил и доктрин; а также недостаток ключевых компонентов системы подотчетности, в том числе набора базовых стандартов, структуры отчетности, основанной на количественных показателях, и четких механизмов обмена информацией [Ibid.].

Вместе с тем важно, что причиной недостатков механизмов подотчетности «Группы двадцати» многим видится именно отсутствие нормативных ценностей в рамках института. В отличие от «Группы восьми», которая традиционно считается коллективом единомышленников [Lesage, 2007], недостаток разделяемых всеми участниками «двадцатки» ценностей может объяснять недостаточный уровень исполнения обязательств форума. К числу таких ценностей относят следование демократическим принципам, поддержку прав человека, приоритетный характер свободной рыночной экономики. Ввиду наличия глубоких политических, экономических, религиозных и культурных различий между странами «двадцатки» наблюдатели и скептики склонны подвергать сомнению способность форума находить консенсус и соблюдать условия достигнутых соглашений, а также выстраивать эффективную систему глобального управления. На сегодняшний день «Группа двадцати» представляет собой точку культурного соприкосновения между Западом и Востоком, Севером и Югом, христианством и исламом на наиболее высоком уровне. В состав «двадцатки» входит шесть азиатских, три исламских государства и десять развивающихся рыночных экономик (из Латинской Америки, Ближнего Востока, Африки и Азии). Кроме того, заслуживают упоминания и различия политических режимов — от демократии и коммунистического режима до абсолютной монархии. Подвергается сомнению и сама возможность достижения консенсуса в процессе согласования решений, не говоря уже об исполнении международных обязательств, в условиях, когда имеющиеся разногласия значительно затрудняют реализацию ключевых обязательств [Kokotsis, 2012].

Несмотря на недолгую историю существования «Группы двадцати» (по сравнению с сорокалетним периодом функционирования «семерки/восьмерки»), а также на неустоявшуюся систему подотчетности, к настоящему моменту, по результатам ряда независимых аналитических исследований процесса исполнения обязательств «двадцатки», начали формироваться определенные тенденции.

Исследовательская группа «Группы двадцати», включающая сотрудников Университета Торонто и ЦИМИ РАНХиГС (Москва), проводила мониторинг и оценку реализации приоритетных обязательств каждого саммита «Группы двадцати» начиная с первой встречи лидеров в 2008 г. Обязательства для мониторинга отбираются с учетом приоритетных сфер взаимодействия, а также проблем, вынесенных на обсуждение

страной-председателем. С 2008 по 2015 г. «Группа двадцати» приняла 1712 обязательств (см. приложение А по адресу: <https://iorj.hse.ru/2017-12-2/207994056.html>). Проанализировано 189 из них. Средняя оценка исполнения составила +0,41 (около 70%). Наибольшую эффективность члены «двадцатки» продемонстрировали в сферах, которые относятся к ключевым областям сотрудничества организации – макроэкономике, финансовом регулировании и занятости. Наименее эффективным было исполнение обязательств в таких сферах, как международная торговля, борьба с преступностью и коррупцией. Члены «двадцатки» демонстрируют средний уровень исполнения вошедших в повестку дня «двадцатки» с принятием Сеульского консенсуса в области развития в 2010 г. обязательств, относящихся к сферам содействия международному развитию, здравоохранения, изменению климата, продовольственной безопасности и сельского хозяйства (см. приложение А по адресу: <https://iorj.hse.ru/2017-12-2/207994056.html>).

Показатели исполнения обязательств варьируются для разных членов «двадцатки». Наиболее высокие средние оценки демонстрировали Великобритания, Германия, Франция и Канада. Худшие результаты отмечались для Турции, Индонезии, Аргентины и Саудовской Аравии (см. приложение Б по адресу: <https://iorj.hse.ru/2017-12-2/207994056.html>).

Вышеописанные тенденции претерпевают ежегодные изменения. В 2008 г., на волне борьбы с последствиями финансового кризиса, «Группа двадцати» сумела продемонстрировать средний результат +0,55. На следующий год в Лондоне был отмечен показатель +0,17 баллов. Для саммита в Питтсбурге показатель исполнения составил +0,31. Обязательства саммитов 2011 г. в Торонто и Сеуле были исполнены с показателями +0,30 и +0,34 соответственно. В течение двух последующих лет был достигнут пик эффективности исполнения обязательств: +0,54 для саммита в Каннах 2011 г. и +0,55 для саммита в Лос-Кабосе 2012 г. Показатели исполнения обязательств существенно снизились для саммита 2013 г. в Санкт-Петербурге – была зафиксирована средняя оценка +0,37. Обязательства саммита в Брисбене 2014 г. были выполнены странами «двадцатки» со средним показателем эффективности +0,46, а саммита в Анталье 2015 г. – с показателем +0,42. Факторы, повлиявшие на эффективность исполнения обязательств «Группы двадцати» по сферам взаимодействия, рассматриваются в разделе «Сравнительный анализ тенденций в процессах подотчетности “Группы двадцати” и БРИКС».

Исполнение обязательств саммитов БРИКС

С 2009 г. лидеры Индии, Бразилии, России и Китая начали проводить встречи «на полях» саммитов «Группы двадцати». В 2012 г. в качестве полноценного члена БРИКС к ним присоединилась ЮАР. В течение этого периода наблюдатели из разных стран мира следили за развитием потенциала БРИКС по достижению реальных результатов. Лидеры пяти развивающихся государств, входящих в БРИКС, продолжают обсуждать широкий круг разнообразных вопросов, в число которых входят: мировая экономика, международная торговля, продовольственная безопасность, здравоохранение, инновации, сельскохозяйственное развитие, энергетическая безопасность и изменение климата. В целях демонстрации коллективного лидерства и укрепления своего влияния в динамичный период глобального управления члены БРИКС начали повышать эффективность исполнения обязательств во многих из вышеперечисленных сфер.

Основой влияния БРИКС в международной системе является постоянный рост их совокупных экономических и демографических показателей. С 45% мирового населе-

ния, 30% территории суши и 25% мирового ВВП страны БРИКС генерировали более 50% роста мировой экономики за прошедшее десятилетие (BRICS, Ministry of External Relations). В случае если эта тенденция будет продолжена, к 2030 г. совокупный ВВП стран БРИКС превысит аналогичный показатель стран «Группы семи». Таким образом, потенциально БРИКС имеет возможность играть роль лидера в мировой экономике, позволяя группе достигать консенсуса и принимать решения по широкому кругу вопросов [Larionova, Kirton, 2015]. Однако может ли эффективность БРИКС быть измерена не только на основе способности стран-членов достигать консенсуса, но и исходя из их возможностей реализовывать согласованные решения?

О чем говорят эмпирические данные об исполнении обязательств БРИКС, доступные на сегодняшний день? Исследовательская группа БРИКС проводила мониторинг исполнения приоритетных обязательств группы начиная с первой встречи лидеров в 2009 г. В этот период члены БРИКС согласовали 446 отдельных, измеримых и ориентированных в будущее обязательств, затрагивающих 33 сферы взаимодействия (см. приложение В по адресу: <https://iorj.hse.ru/2017-12-2/207994056.html>). На саммите в Екатеринбурге было принято всего 16 обязательств. В 2010 г. на саммите в Бразилиа число обязательств возросло до 46. В 2011 г. в Санье было принято 38 обязательств, в Дели в 2012 г. — 32, в Дурбане в 2013 г. — 47, в Фортелезе в 2014 г. — 91. На саммите 2015 г. в Уфе число обязательств достигло 130. Тем не менее на саммите 2016 г. наблюдалось значительное падение количества принятых обязательств — было согласовано только 46 конкретных решений (см. приложение Г по адресу: <https://iorj.hse.ru/2017-12-2/207994056.html>).

Среди всех принятых БРИКС обязательств наиболее часто затрагивалась сфера международного сотрудничества (74 обязательства). Следующей по количеству обязательств стала тематика содействия развитию (40 обязательств). По вопросам торговли и макроэкономики было принято равное количество решений — по 33. Несмотря на то, что на саммитах часто поднимаются вопросы предотвращения конфликтов, нераспространения, занятости и гендерного равенства, число обязательств по этим сферам было небольшим.

Анализ деятельности БРИКС позволяет сделать вывод о поступательном развитии данного института как целостного и устойчивого форума глобального управления, аналогичного «Группе семи/восьми» и «Группе двадцати». Развитие механизмов принятия решений иллюстрируется расширением повестки дня института, в первые два года строившейся вокруг вопросов финансового регулирования, торговли, макроэкономики и энергетики, а в дальнейшем расширившейся за счет включения проблем сельского хозяйства, продовольственной безопасности, здравоохранения, прав человека, изменения климата, противодействия терроризму и обеспечения региональной безопасности. С 2012 г. повестка дня продолжила расширяться — были затронуты вопросы мира и безопасности, а также институционализации и подотчетности, что демонстрирует ориентацию БРИКС на построение эффективного коллективного механизма, нацеленного на решение проблем мирового развития.

Анализ тенденций в процессах подотчетности на ранних этапах становления БРИКС позволяет сделать ряд выводов об общих закономерностях исполнения решений саммитов начиная с первой встречи лидеров. Несмотря на то, что данные по подотчетности БРИКС собираются относительно недолго по сравнению с аналогичной деятельностью для «Группы семи/восьми», некоторые тенденции уже представляется возможным проследить. Исследования процессов исполнения обязательств по 16 приоритетным направлениям сотрудничества с 2009 по 2015 г. показывают, что средний

уровень исполнения по 39 обязательствам составил +0,48 балла. Наиболее высокие результаты зафиксированы в финансовой сфере (+0,80), в области содействия развитию (+0,72), а также по проблематике изменения климата (+0,67). Хуже всего страны БРИКС справились с обязательствами, касающимися региональной безопасности (+0,20) и торговли (–0,08) (см. приложение В по адресу: <https://iorj.hse.ru/2017-12-2/207994056.html>).

Высокая эффективность исполнения обязательств по социально-экономическому развитию и энергетике определяется наличием схожих приоритетов и общностью стоящих перед пятью странами вызовов, в особенности в таких сферах, как сельскохозяйственная реформа, производство продовольствия и энергетическая безопасность. Так, начиная с первой встречи министров сельского хозяйства БРИК в 2011 г. ежегодно принимаются решения о поддержке развития технологий получения энергии из биомассы с целью обеспечения мировой продовольственной безопасности. Страны БРИКС неоднократно призывали экономически развитые страны оказать развивающимся странам финансовую помощь с целью совершенствования их энергетических стратегий и повышения производительности сельского хозяйства.

Среди стран БРИКС наиболее высокий показатель исполнения обязательств продемонстрировал Китай (+0,64). Далее следуют Россия (+0,56 балла) и Индия (+0,54 балла). Бразилия и ЮАР показали уровень исполнения в +0,31. Таким образом, анализ эффективности реализации решений БРИКС выявил, что странам-членам удалось показать в целом положительный результат, сопровождающийся формированием позитивного тренда по повышению уровня исполнения.

Сравнительный анализ тенденций в процессах подотчетности «Группы двадцати» и БРИКС

В 2009–2016 гг. в среднем за один саммит БРИКС принимали 56 обязательств, что составляет около одной трети от аналогичного показателя для «Группы двадцати», в среднем принимавшей 171 обязательство за саммит в 2008–2016 гг. (см. приложения А и Г по адресу: <https://iorj.hse.ru/2017-12-2/207994056.html>). Распределение этих обязательств отражает ключевой институциональный фокус двух неформальных многосторонних институтов. Так, «Группа двадцати» приняла наибольшее количество обязательств по вопросам, относящимся к проблематике борьбы с кризисными явлениями в мировой экономике, что подчеркивает роль института как центрального международного форума экономического и финансового сотрудничества. В частности, принимаются обязательства в таких сферах, как макроэкономическая политика (фискальные меры по стимулированию внутреннего спроса), финансовое регулирование (гибкие обменные курсы и структурные реформы), а также занятость и трудовые ресурсы. Также обязательства «Группы двадцати», как правило, затрагивают вопросы банковского капитала, ликвидности, производных финансовых инструментов, протекционизма в мировой торговле и реформы глобальных финансовых институтов.

Большая часть обязательств БРИКС также отражает ключевые институциональные особенности повестки дня форума. Участники саммитов затрагивали вопросы практического взаимодействия (в сферах налогообложения, борьбы с преступностью, подкупом и коррупцией), содействия развитию (проблемы инфраструктурного развития, повышения потенциала развивающихся государств и вопросы социальной защиты наиболее уязвимых слоев населения), макроэкономики (антимонопольная политика

и правоприменение), а также энергетики (посредством развития возобновляемых источников энергии и «чистых» технологий). Менее успешными были усилия БРИКС в сферах реформы международных финансовых институтов и региональной безопасности. Так же как и «двадцатка», страны БРИКС не преуспели в реализации решений саммитов по проблемам протекционизма в международной торговле, управления валютными курсами и борьбы с изменением климата.

Несмотря на наличие существенных отличий, распределение обязательств обоих институтов находится в зависимости от приоритетов, задаваемых страной-председателем. На саммитах «Группы двадцати» на раннем этапе функционирования форума на высшем уровне принималось больше обязательств, касающихся проблематики борьбы с последствиями экономического кризиса 2008–2009 гг., поскольку именно эти вопросы в наибольшей степени занимали председателей «двадцатки» в те годы. По мере развития института и расширения его повестки дня росло и количество обязательств, принимаемых вне традиционного финансового и экономического блока, в частности в таких сферах, как борьба с коррупцией и преступностью, продовольственная безопасность и сельское хозяйство, энергетика и изменение климата (см. приложение Б по адресу: <https://iorj.hse.ru/2017-12-2/207994056.html>). Аналогично приоритетные обязательства БРИКС также отражали важнейшие сферы взаимодействия, обозначенные страной-председателем. Первый саммит БРИК в России, прошедший в 2009 г., был в основном посвящен вопросам энергетики и сельского хозяйства. Основной темой бразильского саммита 2010 г. стало содействие развитию, саммита в Санье 2011 г. – изменение климата, саммита в Нью-Дели 2012 г. – региональная безопасность, саммита 2013 г. в Дурбане – вновь содействие развитию, саммита в Форталезе 2014 г. – социально-экономическая тематика, саммита в Уфе 2015 г. – энергетика и региональная безопасность, а саммита на Гоа 2016 г. – развитие и здравоохранение (см. приложение В по адресу: <https://iorj.hse.ru/2017-12-2/207994056.html>).

Кроме того, М.В. Ларионова и соавторы отмечают наличие схожих тенденций в процессах исполнения обязательств двух институтов. Наблюдается повышение уровня реализации приоритетных решений обоих форумов, однако исполнение новых обязательств и решений, затрагивающих национальные интересы государств (например, в сфере международной торговли), зачастую оказывается затруднительным для членов «двадцатки» и БРИКС. Катализаторы самоотчетности также совпадают для обоих институтов, хотя и более характерны для «Группы двадцати», выпускающей доклады по самоотчетности с 2013 г. Кроме того, стоит отметить и выпущенный доклад о ходе исполнения обязательств в области развития, принятых на саммите 2010 г. в Сеуле. БРИКС также использует подобные механизмы, но в меньшей степени. Наиболее ярким примером является поручение, данное министрам финансов стран БРИКС по итогам саммита в Нью-Дели, о проведении оценки целесообразности создания Нового банка развития и Пула валютных резервов и последующем отчете о проделанной работе. К следующему саммиту в Дурбане (2012 г.) отчет был подготовлен и получил высокую оценку от лидеров, которые договорились о проведении дополнительного анализа процесса реализации данной инициативы до сентября 2013 г. Таким образом, в отношении этого обязательства отмечается повышенный уровень подотчетности по сравнению с другими решениями БРИКС, оцененными в том году [Larionova, Kirton, 2014].

Тем не менее наблюдаются четкие различия в катализаторах подотчетности, используемых «Группой двадцати» и БРИКС. «Двадцатка» наиболее успешно справляется с обязательствами, затрагивающими международное право и юридические акты (например, Парижское соглашение по климату 2015 г.); с повторно принимаемыми

обязательствами (также, мандатами); в случаях проведения перед саммитами специальных министерских встреч; при привлечении к исполнению обязательства профильной международной организации (например, ООН по вопросам борьбы с изменением климата); а также в ситуациях, когда существуют четкие механизмы самоотчетности.

Упоминания других международных институтов играют особую роль в процессах подотчетности «Группы двадцати». По результатам 10 саммитов в итоговых декларациях «двадцатки» отмечено 1419 таких упоминаний. По мере увеличения числа упоминаний от 40 на первом саммите в 2008 г. до 251 на саммите в 2011 г. в Каннах рос и уровень исполнения обязательств, что говорит о возможной корреляции этих показателей [Bracht, Nguyen, forthcoming].

В то же время данные эмпирических исследований демонстрируют, что БРИКС наиболее успешно исполняет обязательства, исполнение которых поручено внутренним органам или рабочим группам в рамках объединения; при сотрудничестве с региональными институтами (например, ШОС или ИБСА); при делегировании полномочий на министерский уровень (в том числе министрам иностранных дел, финансов, сельского хозяйства, торговли, здравоохранения, образования, науки и технологического развития, экологии); а также при заявлении четких временных сроков исполнения обязательства [Bracht, Nguyen, forthcoming; Larionova et al., forthcoming].

В среднем БРИКС демонстрирует несколько более высокий уровень исполнения обязательств, чем «Группа двадцати» (+0,48 против +0,41). Однако оба института, как правило, успешнее реализуют решения, согласующиеся с ключевой тематикой их повестки дня.

Подходы к исследованию процессов подотчетности БРИКС и «Группы двадцати» продолжают совершенствоваться, преодолевая существующие в данной области ограничения и генерируя новые теоретические модели, отражающие изменения катализаторов подотчетности и поведения акторов. Все это в конечном счете позволит выработать более точную и упорядоченную методологию оценки исполнения обязательств многосторонних институтов глобального управления.

Подотчетность «Группы двадцати» и БРИКС: конфликт или сотрудничество

Некоторые скептически настроенные исследователи неформальных институтов глобального управления утверждают, что «двадцатка», а с недавних пор и БРИКС, не справляются с исполнением обязательств в области борьбы с протекционизмом, «зеленого» роста, продовольственной безопасности, а также равенства на рынке труда. Подобные взгляды обусловлены неспособностью обоих институтов создать полноценный механизм подотчетности с целью обеспечения прозрачности процессов исполнения решений саммитов. В связи с этим «Группа двадцати» и БРИКС также подвергаются критике из-за недостатка формализованных властных полномочий и отсутствия ключевых компонентов подотчетности, таких как базовые стандарты и отчетность по количественным показателям. Кроме того, критики обращают внимание на отсутствие общности культурных и нормативных ценностей среди членов обоих объединений. В совокупности подобные характеристики институтов негативно сказываются на перспективах реализации ключевых элементов повестки дня [Grant, Keohane, 2005].

В то же время в качестве контраргумента подобной точке зрения [Huntington, 1993] можно выдвинуть тезис о том, что политическая, экономическая, культурная

и религиозная гетерогенность «двадцатки» и БРИКС была скорее преимуществом, нежели препятствием к построению консенсуса между странами-членами, поскольку создает стимулы для критического анализа и инновационных решений. Широкий круг членства заставляет оба рассматриваемых института налаживать механизмы обмена наилучшими практиками, принимать новые формы консенсуса, партнерской оценки, выстраивать более эффективные стратегии взаимодействия, приходиться к лучшему пониманию политических позиций государств-партнеров. Таким образом, несмотря на различие в подходах, подобный обмен мнениями между государствами приводит к формированию такой конфигурации ядра повестки дня институтов, которая способствует созданию эффективного канала для принятия коллективных решений. Тем не менее обоим институтам, в особенности БРИКС, предстоит пройти еще долгий путь институционального развития. Однако уже дан старт процессу определения модальностей глобального лидерства и подотчетности, посредством которого «Группа двадцати» и БРИКС все в большей степени подтверждают свою роль в качестве ключевых игроков в изменении мировой экономики и системе политического управления на международном уровне. Это подтверждается результатами исследований деятельности двух институтов, которые демонстрируют все большее использование механизмов подотчетности, выраженных в виде поручений министрам, экспертам и рабочим группам по мониторингу хода реализации решений саммитов. В частности, «Группа двадцати» все чаще прибегает к помощи профильных международных организаций. Неправительственные организации и академические институты также осуществляют открытый мониторинг процессов подотчетности «двадцатки». Деятельность независимых акторов способствует повышению уровня подотчетности и эффективности реализации решений многосторонних институтов глобального управления.

Рекомендации по совершенствованию механизмов подотчетности

Несмотря на наблюдающиеся по результатам исследований позитивные тенденции, «Группа двадцати» и БРИКС обладают значительным потенциалом повышения уровня реализации принимаемых решений и совершенствования механизмов подотчетности. Достичь этого можно посредством согласования четких, специфичных целевых показателей с определенными сроками исполнения и наличием механизмов обеспечения контроля исполнения.

Первым шагом может стать признание «Группой двадцати» и БРИКС необходимости обеспечения конкретности, прозрачности, измеримости, целевого характера принимаемых обязательств, поскольку эти качества значительно облегчают последующий мониторинг исполнения решений и ведение отчетности. В связи с этим важную роль играют и обязательства по самоотчетности, которые неизменно привлекают внимание международного сообщества и создают необходимый уровень группового давления для стимулирования деятельности стран-членов, направленной на исполнение коллективных обязательств. Поручения, обладающие отдельными чертами, стимулирующими исполнение, и повторяющиеся из года в год, имеют особое значение в данной связи, поскольку создают условия для скоординированных коллективных действий [Kirton, Larionova, 2015].

Также представляются важными создание и имплементация систем мониторинга с целью налаживания регулярной и своевременной отчетности о проделанной работе.

«Группе двадцати» необходимо развивать собственную структуру подотчетности посредством отслеживания хода исполнения принятых обязательств с использованием четкого и прозрачного механизма отчетности. Будущие доклады в рамках этого механизма должны содержать общие целевые ориентиры и предоставлять проверенную информацию [Kokotsis, 2010]. БРИКС несколько отстает от «Группы двадцати» в этом отношении, поскольку формальный механизм подотчетности до сих пор не создан.

Оба института должны продолжать практику делегирования отдельных поручений министрам, экспертам и рабочим группам, особенно в области мониторинга реализации принятых решений. Собранные на сегодняшний день эмпирические данные свидетельствуют о позитивной роли осуществления мониторинга на процесс исполнения обязательств [Kirton, 2017; Larionova et al., forthcoming].

Кроме того, ключевое место в системе подотчетности могла бы занять постоянная рабочая группа, по аналогии с Рабочей группой по подотчетности, функционирующей в рамках «Группы семи/восьми». Создание такой группы могло бы повысить качество используемой методологии, обеспечить наличие исчисляемых показателей и тщательность оценки. Тем самым можно было бы обеспечить лучшую сопоставимость результатов исследований внешних акторов и внутренних механизмов анализа реализации решений «Группы двадцати» и БРИКС.

Необходимо преодолеть ограничения, связанные с доступностью информации, в особенности в тех областях, в которых качество данных невысоко, и деятельность по исполнению обязательств ведется без учета целевых показателей и в отсутствие последовательной методологии оценки результатов.

В целях повышения эффективности реализации решений требуется обеспечить не только скоординированные действия членов «Группы двадцати» или БРИКС, но и привлекать к этой работе другие государства, негосударственных акторов, гражданское общество, академические организации и бизнес. «Двадцатка» и БРИКС должны осознать необходимость предметного сотрудничества с неправительственными организациями и выработать конкретные механизмы налаживания кооперации с этими акторами в интересах обеспечения их наиболее конструктивного участия в деятельности институтов.

Наконец, необходимо согласовать план действий и конкретную стратегию по намерстыванию отставания в имплементации некоторых из прошлых обязательств.

Легитимность и лидерство на любом уровне должно обеспечиваться исполнением даваемых обещаний. Деятельность «Группы двадцати» и БРИКС не является исключением. Для закрепления своей роли в качестве лидеров мировой повестки дня и глобального управления оба института должны использовать возможности, предоставляемые ежегодными встречами лидеров, не только в интересах выработки консенсуса по ключевым пунктам повестки дня, но и для координации коллективных действий по практической реализации принятых решений.

Будущие саммиты, таким образом, предоставляют лидерам «двадцатки» и БРИКС возможность повысить уровень доверия к себе путем как инвентаризации собственных коллективных достижений, так и вовлечения широкого круга международных акторов, а также посредством проведения регулярной отчетности о своих успехах.

Приложения А–Г к статье см. по адресу: https://iorj.hse.ru/2017-12-2/2079_94056.html

Литература

- Bracht C., Nguyen H. (forthcoming) Comparing G7/8, G20 and BRICS Accountability // *Accountability for Effectiveness in Global Governance* / J. Kirton, M. Larionova (eds). Abingdon: Routledge.
- Cooper A.F. (2016) *BRICS: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Daniels J. (1993) *The Meaning and Reliability of Economic Summit Undertakings*. Hamden, Connecticut: Garland Publishing.
- G20 (2008) *Declaration of the Summit on Financial Markets and the World Economy*. Washington D.C. Режим доступа: <http://www.g20.utoronto.ca/2008/2008declaration1115.html> (дата обращения: 22.05.2017).
- G20 (2010) *The G20 Seoul Summit Leaders' Declaration*. Seoul. 12 November. Режим доступа: www.g20.utoronto.ca/2010/g20seoul.html (дата обращения: 22.05.2017).
- G20 (2010) *The G20 Toronto Summit Declaration*. Toronto. 27 June. Режим доступа: www.g20.utoronto.ca/2010/to-communiqué.html (дата обращения: 22.05.2017).
- G20 (2012) *Policy Commitments by G20 Members*. Los Cabos. 19 June. Режим доступа: www.g20.utoronto.ca/2012/2012-0619-loscabos-actionplan.html (дата обращения: 22.05.2017).
- Grant Ruth W., Keohane R.O. (2005) *Accountability and Abuses of Power in World Politics* // *American Political Science Review*, vol. 99, no 1, pp. 29–43.
- Huntington S.P. (1993) *The Clash of Civilizations* // *Foreign Affairs*. Vol. 72. No. 3.
- InterAction (2012) *Accountability: It's time for a G20 commitment*. G20 Background Policy Brief, March. Washington, DC.
- Kirton J., Kokotsis E., Guebert J., Bracht C., Kulik J. (2016) *Summit Performance Assessment Manual*. G8, G20 and BRICS Research Groups University of Toronto.
- Kirton J. (2017) *China's G20 Leadership*. Routledge Publishing, New York.
- Kirton J., Kokotsis E. (2015) *The Global Governance of Climate Change: G7, G20 and UN Leadership*. Farnham: Ashgate.
- Kirton J. (2015) *Explaining the BRICS Summit Solid, Strengthening Success* // *International Organisations Research Journal*. Vol. 10. No. 2. P. 9–31. Режим доступа: <https://iorj.hse.ru/data/2015/10/07/1077708307/Kirton%20J.J..pdf> (дата обращения: 22.05.2017).
- Kokotsis E. (2012) *The Importance of Improving G20 Accountability*. G20 Los Cabos Summit. Newsdesk. P. 180–182.
- Kokotsis E. (1999) *Keeping International Commitments: Compliance, Credibility and the G7, 1988–1995*. N. Y.: Garland.
- Kokotsis E. (2010) *The Muskoka Accountability Report: Assessing the Written Record* // *International Organizations Research Journal*. Vol. 5. No. 31. P. 21–24. Режим доступа: <https://iorj.hse.ru/data/2011/03/15/1211462242/5.pdf> (дата обращения: 22.05.2017).
- Larionova M., Kirton J. (eds) (2014) *Strengthening Global Summitry: Accountability for Effectiveness, Special Issue* // *International Organizations Research Journal*. Vol. 9. No 4. Режим доступа: <https://iorj.hse.ru/2014-9-4.html> (дата обращения: 22.05.2017).
- Larionova M., Kirton J. (eds) (2015) *BRICS in the System of Global Governance. Special issue* // *International Organisations Research Journal*. Vol. 15. No. 2. Режим доступа: <https://iorj.hse.ru/2015-10-2.html> (дата обращения: 22.05.2017).
- Larionova M., Rakhmangulov M., Shelepov A. (forthcoming) *Explaining G20 and BRICS Accountability* // *Accountability for Effectiveness in Global Governance* / J. Kirton, M. Larionova (eds). Abingdon: Routledge.
- Lawson-Remer T. (2012) *Does the G20 Matter?* // *The Great Debate*. 24 February. Режим доступа: <http://blogs.reuters.com/great-debate/2012/02/24/does-the-g20-matter> (дата обращения: 22.05.2017).
- Lesage D. (2007) *Is the World Imaginable without the G8?* // *Internationale Politik und Gesellschaft*. No. 4. P. 107.

Putnam R.D. and Bayne N. (1984) *Hanging Together: The Seven-Power Summits*. London and Cambridge, MA: Heinemann and Harvard University Press.

Putnam R.D., Bayne N. (1987) *Hanging Together: Cooperation and Conflict in the Seven-Power Summits*. Cambridge, Mass. Harvard University Press, revised edition.

Von Furstenberg G., Daniels J. (1993) *The Meaning and Reliability of Economic Summit Undertakings: 1975-1989*. New York, N.Y.: Garland Publishing.

G20 and BRICS: Enhancing Delivery Legitimacy¹

E. Kokotsis

Ella Kokotsis — Doctor, Director of Accountability, G20 Research Group, University of Toronto; E-mail: mako@cogeco.ca

Abstract

The global commons faces a myriad of increasingly complex, interrelated challenges spanning a range of environmental, security, economic, health and development issues. Addressing these challenges requires a concerted effort on behalf of the most influential political leaders representing the world's most significant countries.

Getting traction on these issues thus requires a process of global governance in which these leaders can regularly meet and forge a consensus on how to confront this groundswell of evolving global challenges.

The G20 and BRICS sit at the very epicentre of this important global governance structure, serving as the key plurilateral summit institutions (PSIs) able to confront these critical and complex challenges.

The question of why and how the BRICS and G20 can provide better global governance is essential to understanding the value and prominence of these high-level plurilateral summit institutions.

This paper argues that in order for these PSIs to govern more effectively, they must forge a consensus and generate concrete commitments, against which they can be effectively evaluated and assessed. Without a scorecard against which to measure their accountability, the issue of their legitimacy as global governance leaders is called into question.

Implicit in this debate is also the question of whether the G20 and BRICS can and should act in cooperation or competition with other international organizations and PSIs. If so, are their chances of enhanced accountability heightened or reduced? This paper argues that to be effective global governance leaders, the G20 and BRICS can and must work in concert with other key regional, multilateral, and intergovernmental organizations, as well as NGOs, civil society, the business community and thought leaders. Only through this enhanced level of collaboration and cooperation can the G20 and BRICS generate the level of international support needed to forge their global governance agenda.

Key words: G20; BRICS; Summits; Summitry; Global Governance; Institutions; Legitimacy; Leadership; Commitments; Accountability

For citation: Kokotsis E. (2017) G20 and BRICS: Enhancing Delivery Legitimacy. *International Organisations Research Journal*, vol. 12, no 2, pp. 194–210 (in Russian and English). DOI: 10.17323/1996-7845-2017-02-195

References

Bracht C., Nguyen H. (forthcoming) Comparing G7/8, G20 and BRICS Accountability. *Accountability for Effectiveness in Global Governance* (J. Kirton, M. Larionova (eds)). Abingdon: Routledge.

Cooper A.F. (2016) *BRICS: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.

Daniels J. (1993) *The Meaning and Reliability of Economic Summit Undertakings*. Hamden, Connecticut: Garland Publishing.

G20 (2010) *The G20 Seoul Summit Leaders' Declaration*. Seoul, 12 November. Available at: www.g20.utoronto.ca/2010/g20seoul.html (accessed 22 May 2017).

G20 (2010) *The G20 Toronto Summit Declaration*. Toronto, 27 June. Available at: www.g20.utoronto.ca/2010/to-communicue.html (accessed 22 May 2017).

G20 (2012) *Policy Commitments by G20 Members*. Los Cabos, 19 June. Available at: www.g20.utoronto.ca/2012/2012-0619-loscabos-actionplan.html (accessed 22 May 2017).

Grant Ruth W., Keohane R.O. (2005) Accountability and Abuses of Power in World Politics. *American Political Science Review*, vol. 99, no 1, pp. 29–43.

¹ The editorial board received the article in October 2016.

- Huntington S.P. (1993) *The Clash of Civilizations*. *Foreign Affairs*, vol. 72, no 3.
- InterAction (2012) *Accountability: It's time for a G20 commitment*. G20 Background Policy Brief, March. Washington, DC.
- Kirton J., Kokotsis E., Guebert J., Bracht C., Kulik J. (2016) *Summit Performance Assessment Manual*. G8, G20 and BRICS Research Groups University of Toronto.
- Kirton J. (2017) *China's G20 Leadership*. Routledge Publishing, New York.
- Kirton J., Kokotsis E. (2015) *The Global Governance of Climate Change: G7, G20 and UN Leadership*. Farnham: Ashgate.
- Kirton J. (2015) Explaining the BRICS Summit Solid, Strengthening Success. *International Organisations Research Journal*, vol. 10, no 2, pp. 9–31. Available at: <https://iorj.hse.ru/data/2015/10/07/1077708307/Kirton%20J.J..pdf> (accessed 22 May 2017).
- Kokotsis E. (2012) *The Importance of Improving G20 Accountability*. G20 Los Cabos Summit. Newsdesk, pp. 180–182.
- Kokotsis E. (1999) *Keeping International Commitments: Compliance, Credibility and the G7, 1988–1995*. New York: Garland.
- Kokotsis E. (2010) The Muskoka Accountability Report: Assessing the Written Record. *International Organizations Research Journal*, vol. 5, no 31, pp. 21–24. Available at: <https://iorj.hse.ru/data/2011/03/15/1211462242/5.pdf> (accessed 22 May 2017).
- Larionova M., Kirton J. (eds.) (2014) Strengthening Global Summity: Accountability for Effectiveness, Special Issue. *International Organizations Research Journal*, vol. 9, no 4. Available at: <https://iorj.hse.ru/2014-9-4.html> (accessed 22 May 2017).
- Larionova M., Kirton J. (eds) (2015) BRICS in the System of Global Governance. Special issue. *International Organizations Research Journal*, vol. 15, no 2. Available at: <https://iorj.hse.ru/2015-10-2.html> (accessed 22 May 2017).
- Larionova M., Rakhmangulov M., Shelepov A. (forthcoming) Explaining G20 and BRICS Accountability. *Accountability for Effectiveness in Global Governance* (J. Kirton, M. Larionova (eds)). Abingdon: Routledge.
- Lawson-Remer T. (2012) Does the G20 Matter? *The Great Debate*, 24 February. Available at: <http://blogs.reuters.com/great-debate/2012/02/24/does-the-g20-matter> (accessed 22 May 2017).
- Lesage D. (2007) Is the World Imaginable without the G8? *Internationale Politik und Gesellschaft*, no 4, p. 107.
- Putnam R.D., Bayne N. (1984) *Hanging Together: The Seven-Power Summits*. London and Cambridge, MA: Heinemann and Harvard University Press.
- Putnam R.D., Bayne N. (1987) *Hanging Together: Cooperation and Conflict in the Seven-Power Summits*. Harvard University Press, revised edition.
- Von Furstenberg G., Daniels J. (1993) *The Meaning and Reliability of Economic Summit Undertakings: 1975–1989*. New York, N.Y.: Garland Publishing.